

Глава 15: Зеленые холмы бережно хранят кости героев, к чему сетовать, что они не на родине

Выслушав чистосердечные признания Цзинь-вана, Шэнь Си внезапно ощутил прилив странного умиротворения. В жизни обрести одного понимающего человека — и не о чем больше жалеть. Хотя они с Цзинь-ваном были знакомы недолго и их нельзя было назвать закадычными друзьями, ван неизменно понимал, чувствовал, доверял и ценил его. Это было совсем не похоже на фальшивое, полное лести общение между отцами и сыновьями, государями и подданными. В глубине души Шэнь Си давно начал считать Цзинь-вана своим другом. Будь то проявление заботы или откровенное покровительство — он принимал всё с открытым сердцем. И в свою очередь, если Цзинь-вану понадобится помощь, Шэнь Си без колебаний отдаст все силы, чтобы поддержать его.

Цзинь-ван сидел напротив Шэнь Си. На первый взгляд он казался расслабленным, но на деле внимательно следил за каждым, даже самым незначительным изменением в выражении лица юноши. Услышав прямой отказ принять предложение стать главнокомандующим, ван весьма удивился: Почему? Неужели ты не хочешь показать, на что способен?

Шэнь Си бросил на него спокойный взгляд: Как вы и сказали, ван, я много лет провел в походах под началом генерала Шэня, но мне редко доводилось сталкиваться с татарами лицом к лицу, и в глубине души я всегда жаждал сразиться с ними в открытом бою. Но, к сожалению, я тоже не лишен человеческих слабостей и стремления к славе. Если я сегодня соглашусь принять командование, то, разумеется, ради того, чтобы мое имя было вписано в историю. А в этой битве, где шансов на успех изначально нет, я лишь опозорюсь — стоит ли тратить силы впустую? Разве что... — когда на лице Цзинь-вана промелькнуло разочарование, уголки губ Шэнь Си чуть изогнулись в озорной улыбке, — разве что ван выполнит три моих условия.

Поняв, что Шэнь Си просто набивает себе цену, Цзинь-ван с облегчением выдохнул: Говори, Няньцин, я весь во внимании.

Шэнь Си выпрямился и серьезно произнес: Первое: если я стану главнокомандующим, то все вопросы, касающиеся передвижения войск, командования и тренировок, должны находиться в моих руках. Остальные военачальники, независимо от их звания, должны беспрекословно следовать моим приказам, и даже ван не должен вмешиваться в мои решения.

Цзинь-ван приподнял брови и загадочно улыбнулся: Это само собой разумеется. В походе исход битвы решается в одно мгновение. Я немного читал военные трактаты и знаю, что существуют города, которые не стоит штурмовать, земли, за которые не стоит бороться, и приказы монарха, которые в интересах дела следует игнорировать.

Шэнь Си удовлетворенно кивнул и продолжил: Второе: я здесь новичок, мое имя никому не известно. Как только в моих руках окажется военная власть, посыплется слухи и клевета. Поговорка гласит: трое скажут — и в городе появится тигр. Нужно быть начеку. Поэтому я требую, чтобы ван, несмотря ни на что, сохранял ко мне полное доверие.

Цзинь-ван взмахнул рукавом: Няньцин, можешь быть спокоен. Если доверяешь — не

сомневайся, если сомневаешься — не доверяй. Раз я выбрал тебя, я не стану слушать никакие сплетни. Вэй Люй не из тех, кем легко манипулировать, думаю, ты тоже.

Шэнь Си снова радостно кивнул: Хорошо, тогда я не буду больше заикливаться на пустяках. Но ван, не спешите радоваться раньше времени, третье условие куда сложнее предыдущих: я хочу, чтобы вы нашли способ посеять смуту среди татарской знати и отсрочили их нападение, желательно на два месяца.

Это... — Цзинь-ван недоуменно нахмурился, — могу я узнать, зачем?

Шэнь Си сделал загадочное лицо: Если татары появятся под стенами города Цзиньян прямо сейчас, у нас, возможно, будет шанс отбиться ценой огромных потерь, но ван при этом понесет тяжелый урон. Если же мы затянем войну на два месяца, я смогу привлечь небесное воинство, чтобы помочь вам разгромить врага. А причины... это тайна небес, ее нельзя разглашать.

Цзинь-ван невольно рассмеялся. С тех пор как Шэнь Сяоуэр отбросил осторожность, он становился все более ребячливым. Даже великий стратег Чжугэ Лян лишь «одолжил» восточный ветер, а этот черномазый сорванец заявляет, что одолжит небесное воинство... Ха, ну что ж, посмотрим, что он задумал!

Все эти годы, ради самосохранения, Цзинь-ван расставлял повсюду шпионов, и среди татар у него были свои люди. Если все тщательно спланировать, это вполне возможно. Он прищурился, долго обдумывая сказанное, и наконец ударил по столу: Хорошо, договорились. Я сделаю всё, что в моих силах.

В карете повисла тишина, слышен был лишь стук копыт. Через некоторое время Шэнь Си искренне посмотрел на Цзинь-вана: Шоучжи, — его голос был негромким, но исполненным решимости, — раз ты так веришь в меня, я не подведу тебя в битве за Цзиньюань!

Цзинь-ван встретил его взгляд, и они обменялись улыбками. Слова были больше не нужны — их амбиции и стремления слились воедино.

Добравшись до ворот особняка вана, Шэнь Си и Цзинь-ван вышли из кареты. Не успели они сделать и нескольких шагов, как им преградила путь княжна Фэйхун в одежде стражника: Шэнь Няньцин, что это было за искусство фехтования, которое ты сегодня показал?

Не дав Шэнь Си ответить, Цзинь-ван нахмурился: Фэйхун, не балуйся! Девушке не пристало целыми днями размахивать мечом — что за манеры? Если не перестанешь, прикажу матери запретить тебя и учить приличиям!

Хотя его тон был строгим, в уголках губ пряталась улыбка, так что угроза не имела никакого

веса. Увидев, что Шэнь Си собирается уйти, княжна ухватила за рукав его одежды: Если обучишь меня паре приемов из этого стиля, я щедро тебя вознагражу. А если откажешься — у меня найдутся сотни способов заставить тебя подчиниться.

Шэнь Си было неудобно грубо отталкивать девушку, поэтому он решил притвориться, что идет на уступки: Раз княжна приказывает, как я могу ослушаться? — дождавшись, пока она поверит и отпустит его, он с важным видом добавил, — У этого моего стиля древние корни, его передал мне мастер Улишань, зовется он Меч Бесчинства и Самодурства. По-моему, у княжны выдающийся талант и необыкновенное сложение, вы уже постигли самую суть, зачем вам еще чему-то учиться? — говоря это, он увлек Цзинь-вана за собой и быстро скрылся.

Княжну Фэйхун с детства баловали и ван, и княгиня. Хотя она выросла своенравной и капризной, в душе она оставалась чистым ребенком. Выслушав Шэнь Си, она еще долго радостно улыбалась, и лишь когда тот был уже далеко, до нее дошел смысл его слов. Она в ярости затопала ногами: Вот наглец! Как он посмел высмеять меня? Я... хм! Хм!

Не зная, на ком сорвать злость, она заметила Цзинь Хулу, который пытался тихо проскользнуть мимо, втянув голову в плечи. Она рявкнула: Стоять! — и пнула его, — Раз ты живешь и ешь вместе с ним, значит, вы заодно! Ты тоже виноват в том, что обидел меня!

Цзинь Хулу теперь при виде княжны мечтал только об одном — обойти ее за версту. Кто бы мог подумать, что, как ни старайся, избежать встречи не удастся. Мало того, что он ни за что получил взбучку, так еще и вынужден был отвечать за Шэнь Си. В отчаянии он сказал то, что княжна хотела услышать: Маленький не смеет, как я могу оскорбить княжну? На самом деле... в эти дни генерал Шэнь тоже обучает меня воинскому искусству, но я ужасно туп, поэтому пока могу учить только самые простые приемы...

Княжна Фэйхун обрадовалась: Отлично, отлично! Самые простые — это то, что нужно. Рассказывай, какие приемы ты уже выучил?

Под ее ожидающим взглядом Цзинь Хулу робко ответил: Сегодня только научился принимать стойку мабу...

Княжна хлопала глазами, глядя на него, ее личико постепенно налилось краской. Она подняла кулак и осыпала его ударами: Негодяй! Еще говоришь, что не дурачишь меня? Вы там все сговорились!

Услышав шум, который устроила княжна Фэйхун, Цзинь-ван решил сделать вид, что ничего не замечает, и они с Шэнь Си ускорили шаг, проходя через крытую галерею в сторону кабинета.

На ходу Цзинь-ван покачал головой, жалуясь Шэнь Си: Ох, это моя вина, моя... Я слишком баловал ее, вот она и выросла такой избалованной.

Шэнь Си понимающе улыбнулся, ничего не ответив. Старый генерал Шэнь не раз говорил подобные вещи о нем самом, так что у него не было права судить других.

Цзинь-ван не знал, что творилось на душе у Шэнь Си, и продолжал вздыхать: Если бы она была сыном — другое дело, я мог бы всегда держать ее при себе. Но она девушка, рано или поздно выйдет замуж, вот и приходится тревожиться. Большинство знатных молодых людей не выдержат такого характера, а те, кто готов терпеть, часто происхождения слишком низкого, не пара ей. Если же найдется кто-то знатный, кто готов принять ее характер, я буду сомневаться — кто знает, что у него на уме...

Пробормотав это себе под нос, Цзинь-ван заметил, что Шэнь Си молча идет рядом, опустив голову, и невольно рассмеялся над самим собой. И верно, Шэнь Си просто крупный, сильный юноша с решительным характером, а по годам он едва ли старше Фэйхун, по сути — еще ребенок. А он всерьез обсуждал воспитание детей с ребенком. Вот уж правда, наваждение.

Дойдя до конца галереи, Шэнь Си остановился и задумчиво посмотрел на озеро. Поверхность воды была покрыта тонким слоем льда, чистого и прозрачного, как драгоценный камень, сверкающий на солнце так, что глазам было больно. Он сделал несколько шагов, переступил через ограждение и, словно желая что-то проверить, наступил носком сапога на лед. Тот оказался непрочным и сразу издал жалобный треск. Под коркой льда можно было разглядеть маленьких рыбок, лениво проплывающих мимо.

Осторожно, Няньцин! — Цзинь-ван, заметив пропажу спутника, огляделся и, увидев его у воды, не знал, злиться или смеяться. Больше всего на свете боялся воды, а тут — решил поиграть с тонким льдом! Он быстро подошел и с силой оттащил юношу назад. — Вода глубокая и ледяная, тут не до шуток. На дне полно старых водорослей, если запутаешься — даже искусный пловец не выберется.

Шэнь Си на мгновение опешил, а потом весело рассмеялся: Вот поэтому вода — самое грозное оружие. Она может обрушиваться на берега огромными волнами, может течь тонким ручейком, а может убить без следа... Поистине чудесное оружие...

Цзинь-ван усмехнулся: Ну да, ну да. Раз это чудесное оружие, тебе, смертному, лучше к нему не прикасаться, подождем прихода небесного воинства.

Шэнь Си не стал спорить, лишь плотно сжал губы, а в улыбке отразилось торжество.

После ужина Цзинь-ван оставил Шэнь Си в кабинете и вызвал Гу Чжоцзы и Сунь Рушана, чтобы обсудить, как остановить татарскую армию.

Гу Чжоцзы, будучи человеком проницательным, никогда не пытался присвоить себе чужие заслуги, поэтому, прежде чем начать, спросил: Ван, каковы ваши планы?

Цзинь-ван, сидя на почетном месте и попивая чай, не спеша ответил: Что если отправить отряд смертников, чтобы убить хана Гуличи? Что скажете?

Шэнь Си был озадачен: Убить хана — разве это легко? К тому же, это может лишь разозлить татар и сделать их еще более беспощадными.

Цзинь-ван встал, подошел к нему и похлопал по плечу: Верно. Именно потому, что это нелегко, этот поход должен провалиться. Ни в коем случае нельзя, чтобы он увенчался успехом.

Услышав слова «нельзя, чтобы он увенчался успехом», Шэнь Си подумал, что ван оговорился. Он уже хотел спросить, как Гу Чжоцзы, обмахиваясь веером, медленно произнес: Молодой господин, вы знаете, что старший сын хана, Бусянь, которого Гуличи любит больше всех, наполовину чжоусец? Его мать была дочерью знатного рода из Великого Чжоу, а при его дворе служит немало перебежчиков из нашего государства. Если принц Бусянь решит убить отца, чтобы занять трон, то наличие чжоусцев среди убийц не вызовет подозрений.

Как только Гу Чжоцзы открыл рот, Цзинь-ван понял, что тот разгадал его замысел до конца, и кивнул: С твоей помощью, А-Юань, я могу целыми днями пить вино и наслаждаться жизнью, не заботясь о делах.

О, ван, вы мне льстите. Если бы не ваше проницательное слово, я бы ни за что не придумал такой блестящий план. — Лесть Гу Чжоцзы была настолько откровенной, что даже у Ту Мозра, скрывавшегося в тени, слегка дернулся уголок рта.

Тут и Сунь Рушан начал догадываться: О... так это стратегия: убить чужим мечом, отвлечь внимание на восток, а ударить на запад. Гениально!

Один лишь Шэнь Си нахмурился, храня молчание. Использовать людей, переодетых в чжоусцев, чтобы убить отца — это казалось ему детской забавой. Если Бусянь — любимый сын, то после смерти Гуличи трон и так перейдет к нему. Зачем устраивать такую сложную интригу? Хан Гуличи — человек неглупый, он сразу поймет, что здесь что-то не так. Бусянь прекрасно знает, какое у него сомнительное происхождение, неужели он станет подставляться, посылая чжоусцев? Это же прямое признание вины! К тому же, армию ведет не Бусянь, а его младший брат, второй принц Халиба. Если в татарской ставке начнется хаос, как Бусянь, не имея под рукой войск, будет бороться за власть с братьями?

Видя, что брови Шэнь Си почти срослись в одну линию, Цзинь-ван спросил: Няньцин, ты считаешь мой план слишком опрометчивым?

Шэнь Си помолчал и ответил прямо: Если бы я был ханом Гуличи, я бы ни за что не поверил, что это дело рук принца Бусяня.

Цзинь-ван расхохотался: А если бы ты был ханом, на кого бы ты подумал?

Это... неужели... на второго принца Халибу? — глаза Шэнь Си блеснули. — Верно, это Халиба! Получается, ван, вы не хотите убить хана руками Бусяня и не хотите руками хана избавиться от Бусяня, а разыгрываете спектакль, чтобы навести подозрения на Халибу!

Видя, что Цзинь-ван в прекрасном настроении, Гу Чжоцзы тоже оживился и подробно объяснил Шэнь Си: Второй принц Халиба — сын наложницы. Он храбр, популярен среди знати, но из-за матери хан никогда его не ценил. В этот раз он стал главнокомандующим только благодаря поддержке других вельмож. Если Бусянь исчезнет, первым выгодоприобретателем станет Халиба.

Цзинь-ван усмехнулся: Даже если это не погубит Халибу, как минимум посеет раздор между ним и отцом. Гуличи сам убил брата и присвоил его жену, чтобы взойти на трон, он больше всего боится заговоров со стороны близких. Сейчас, когда его армия стоит под стенами столицы, разве сможет он спать спокойно?

Цзинь-ван, рожденный в императорской семье, хорошо знал, насколько коварны люди. Даже отец и сын, однажды затаив подозрение, уже никогда не смогут вернуть прежнего доверия. Его план мастерски использовал сложные отношения между ханом и его сыновьями. Это был удар в самое больное место. Шэнь Си с восхищением сказал: Говорят, тот, кто делает меч из железа — мастер, кто делает меч из армии — полководец, а кто делает меч из интриг — истинный правитель. Ваша «техника фехтования» поистине высока!

Услышав, как Шэнь Си назвал его «Шоучжи», Гу Чжоцзы прикрыл лицо веером, загадочно улыбаясь.

Они еще долго обсуждали детали операции и распределение людей, разойдясь лишь к четвертой страже. Когда Шэнь Си ушел, Цзинь-ван оставил Гу Чжоцзы наедине. В армии Гу Минчжана тоже были его люди. Чтобы задержать наступление татар, нужно действовать по нескольким фронтам. Он приказал Гу Чжоцзы слить маршрут движения карательной армии, чтобы потрепанные мятежники могли продержаться еще немного — тогда татары не будут спешить нападать на Цзиньюань. Поскольку это касалось секретов обороны Ифувэй, а добыть информацию можно было лишь через Шэнь Вэя, ван не хотел, чтобы Шэнь Си знал об этом, дабы избежать лишних подозрений.

Через три дня отряд из семи смертников должен был отправиться в татарскую ставку. Чтобы всё прошло в тайне, они покинули город ночью и к утру прибыли к подножию горы Люгу. Цзинь-ван лично приехал вместе с Шэнь Си, чтобы проводить их. Он заранее подготовил лошадей и всё необходимое. Позже высокопоставленный чиновник Сунь Рушан, переодетый торговцем, будет сопровождать их, чтобы они могли смешаться с караваном и пересечь границу.

У всех этих людей воротники были пропитаны ядом. Перед делом они должны были держать его во рту — в случае поимки нужно было просто раскусить капсулу. Если кому-то удастся

спастись, он должен был сам явиться к связному, чтобы тот убил его, инсценировав устранение свидетеля главными заговорщиками.

На этот раз, кроме Шэнь Си, ван взял с собой только Гу Чжоцзы и Ту Моэра, поэтому сцена проводов выглядела пугающе пустынной.

Шэнь Си раньше не видел этих смертников. Сейчас, в тусклом утреннем свете, он внимательно разглядывал их — полные жизни крепкие парни. У некоторых были узкие глаза и широкие плечи, что выдавало татарские корни. Мысль о том, что скоро эти живые лица будут погребены в чужой земле, без надгробий и памяти потомков, легла на сердце тяжелым грузом.

Шэнь Си видел немало смертей, но редко когда доводилось так близко наблюдать, как человек идет на верную гибель. Перед самым отъездом он подошел к ним и взволнованно сказал: Я, Шэнь Си, он же Шэнь Няньцин. Ваша щедрость и величие духа достойны восхищения. Позвольте мне поклониться вам.

Он опустился на одно колено и отвесил глубокий поклон. Мужчины поспешили поднять его. Старший из них сжал кулаки: Вы, должно быть, молодой генерал Шэнь? Я — Цзэн Ци.

Второй назвал свое имя: Я — Сюн Юсинь. Остальные также начали представляться: Я — Лю Саньбао, я — Юй Янь, я...

Когда все назвались, Цзэн Ци, краснолицый мужчина, сказал Шэнь Си: У нас необычные судьбы. Если бы не ван, мы бы давно погибли. Двадцать лет прожили на этом свете — этого достаточно. Генерал Шэнь — человек, которому доверяет ван, и мы тоже вам верим. В этом сражении генерал обязательно разгромит татар.

Сюн Юсинь, широкоплечий богатырь, добавил: Хотя мы и не сможем убить татар на поле боя, мы умираем за то, чтобы остановить их вторжение — смерть достойная. Когда армия одержит победу, прошу вас, генерал, пролейте на наших могилах чашу вина. Мы выпьем ваше вино за победу и будем улыбаться в мире ином.

У Шэнь Си защипало глаза. Он сжал кулаки: Не волнуйтесь, я не подведу вас!

Время пришло. Отряд вскочил на коней и поскакал в утренний туман, вскоре исчезнув в конце тропы. Вдали занялся рассвет, окутав окрестности глубокой синевой. Горы были суровы, ветви деревьев — редки. Время от времени порыв ветра проносился меж скал, словно песня, полная слез и стонаний. Зеленые холмы бережно хранят кости героев, к чему сетовать, что они не на родине.

Звук копыт затихал у подножия горы Люгу. Вокруг — лишь бескрайние облака, завывающий

ветер и увядающая трава. Поля сражений, с которых никто не возвращается.

Шэнь Си обернулся и невольно взглянул на Цзинь-вана. Тот всё еще смотрел в сторону, куда уехали воины, с безмятежным лицом, но в его глазах читалась глубокая печаль.

Говорят, что путь к славе одного полководца вымощен костями тысяч. Тот, кто стоит на такой высоте и смотрит на мир свысока, как Цзинь-ван, наверняка прошел по крови и мертвым душам. Шэнь Си невольно вздохнул: что же в этом Вэй Люе есть такого, что заставляет Гу Чжоцзы, Ту Моэра и других талантливых людей следовать за ним, не прося чинов и наград, и даже жертвовать ради него жизнями?

А потом он горько усмехнулся: разве он сам не собирается броситься в самую гущу ради него? Битва за Цзиньюань — победить или умереть. Если поначалу он согласился на это из благодарности за доверие, то теперь — ради великой жертвы этих семерых героев. Даже если придется выложиться до последнего дыхания, он не имеет права обмануть их надежды.

<http://bllate.org/book/21936/2279025>